УДК 821.161.1-1+821.161.1-343. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-165-177.
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Ш33(2Рос=Рус)64-3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

УРАЛЬСКАЯ ОДИССЕЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕЧНОГО ОБРАЗА В СОВРЕМЕННОЙ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Смышляев Е. А.
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4848-4986
SPIN-код: 9222-4295

Аннотация. Интерес к вечным образам, героям мифов, их рождению, подвигам, странствиям не угасает в современном мире и в современной литературе. В каждой эпохе происходит реактуализация, переосмысление значимого для европейской и русской культуры античного наследия, древнегреческого эпоса. Фигура Одиссея является одним из самых значимых образов, находящих свое отражение в русской культуре разных эпох. Одиссей становится символом борьбы с богами в поэзии Золотого века, символом вечного странника в поэзии Серебряного века. Во второй половине XX в. мифологема Одиссея семантически расширяется в «античном тексте» Иосифа Бродского, примеряющего на себя образ Одиссея-изгнанника, потерявшего свою отчизну. В данной статье исследуется трансформация гомеровского мифа об Одиссее в современной уральской поэзии. Данный феномен рассматривается в контексте освоения античного наследия русской литературой, начиная с Золотого века. В качестве основного материала исследования были использованы четыре тома «Антологии современной уральской поэзии». Данные, собранные в результате анализа поэтических текстов Антологии современной уральской поэзии, позволили выявить диахроническое развитие образа Одиссея в современной поэзии Урала. Пик интереса к Одиссею приходится на кризисное время девяностых годов (1 и 2 том Антологии современной уральской поэзии). В данном исследовании наряду с традиционными методами (историко-литературным и историко-сопоставительным) применяются методы структурно-семиотического и мифопоэтического анализа. Исследование демонстрирует, как современные поэты Урала адаптируют миф об Одиссее, встраивают его в региональный текст, насыщенный хтонической и инфернальной мифопоэтикой. Уральский Одиссей чаще всего изображен блуждающим по царству мертвых. Вместо солнечной Итаки вечный странник скитается по заснеженным черно-белым городам Урала. В поэзии Виталия Кальпиди, демиурга Уральской поэтической школы, миф об Одиссее встраивается в контекст жизнетворчества уральского автора. Эпические приключения культурного героя в городах Урала сопоставляются с героическим плаванием героя Гомера.

Ключевые слова: современная уральская поэзия; уральские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; мифопоэтика; мифологемы; неомифологизм; локальный миф; региональный текст; региональная идентичность; древнегреческий эпос; культурный герой; древнегреческие мифы; поэтические образы; мифологические герои; Одиссей

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20098, https://rscf.ru/project/26-28-20098/.

Для цитирования: Смышляев, Е. А. Уральская Одиссея: трансформация вечного образа в современной уральской поэзии / Е. А. Смышляев // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 165–177. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-165-177.

URAL ODYSSEY: THE TRANSFORMATION OF AN ETERNAL IMAGE IN CONTEMPORARY URAL POETRY

Evgeniy A. Smyshlyaev
South Ural State University (National Research University)
(Chelyabinsk, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4848-4986

Abstract. Interest in eternal images, mythical heroes, their birth, exploits, and journeys continues unabated in the modern world and contemporary literature. Each era renovates and reinterprets the ancient Greek epic, a legacy significant to European and Russian culture. The figure of Odysseus is one of the most prominent images reflected in Russian culture across eras. Odysseus becomes a symbol of struggle with the gods in the poetry of the Golden Age and a symbol of the eternal wanderer in the poetry of the Silver Age. In the latter half of the 20th century, the Odysseus mythologeme is semantically expanded in the "ancient text" of Joseph Brodsky, who portrays himself as an exile, deprived of his homeland. This article examines the transformation of the Homeric myth of Odysseus in contemporary Ural poetry, focusing on the assimilation of the classical heritage by Russian literature, starting with the Golden Age. The practical research material encompasses poetic texts included in the four volumes of the "Anthology of Contemporary Ural Poetry". The data collected through the analysis of the poetic texts in the Anthology allowed identifying the diachronic development of Odysseus's image in contemporary Ural poetry. Interest in Odysseus peaked during the crisis of the 1990s, as reflected in Volumes 1 and 2 of the Anthology of Contemporary Ural Poetry. This study employs both conventional historical-literary and historical-comparative methods and new methods of structural-semiotic and mythopoetic analyses. The study demonstrates how contemporary Ural poets adapt the Odysseus myth and integrate it into regional texts steeped in chthonic and infernal mythopoetics. The Ural Odysseus is most often depicted as wandering the realm of the dead. Instead of sunny Ithaca, the eternal wanderer finds himself in snowy, black-and-white Ural cities. In the poetry of Vitaly Kalpidi, a demiurge of the Ural poetic school, the Odysseus myth is embedded within the life and work of the Ural poet. The epic adventures of the cultural hero in the Ural cities are compared to the heroic voyage of Homer's hero.

© Смышляев Е. А., 2026

Keywords: contemporary Ural poetry; Ural poets; poetic creative activity; poetic genres; mythopoetics; mythologemes; neo-mythologism; local myth; regional text; regional identity; ancient Greek epos; cultural hero; ancient Greek myths; poetic images; mythological heroes; Odysseus

Acknowledgement: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 26-28-20098, https://rscf.ru/project/26-28-20098/.

For citation: Smyshlyaev, E. A. (2026). Ural Odyssey: The Transformation of an Eternal Image in Contemporary Ural Poetry. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 3, pp. 165–177. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-165-177.

Введение

Русская литература имеет длительную и сложную историю взаимоотношений с литературой Античности. Значимость и вес античной культуры, универсальность и «массовость» античных образов, символов, мифов сыграли важную роль в освоении античного наследия русскими писателями. М. Гаспаров, говоря о традициях обращения к античным мифам в русской поэзии XIX в., пишет: «Античность в XIX веке в значительной части была достоянием массовой культуры, а массовая культура – это монтаж стереотипов, штампов, клише. И поэты, желая как-никак общаться с читателями, не могли этого не учитывать» [Гаспаров 1995: 9]. Один из популярных в пушкинскую эпоху журнальных эстетиков А. Ф. Мерзляков так объяснял неподдельный интерес современников к искусству и литературе древних греков и римлян: «Разум здравый, добродетель, любовь отечественная, любовь к человечеству побуждает нас постоянно соизмерять творения русских гениев с образцовыми творениями этих “детей Аполлона”» [Русские эстетические трактаты… 1974: 158].

Гомеровский миф об Одиссее во все времена был одним из самых популярных и притягательных. Многие художники и писатели обращались к данному образу в своих творениях. Среди художников можно выделить работы Рубенса «Ахилл, Одиссей и Диомед» (1617 г.), Джузеппе Боттани «Афина появляется перед Одиссеем, чтобы открыть остров Итака» (1700-е гг.), Уильяма Тернера «Улисс насмехается над Полифемом» (1829 г.), Джона Уильяма Уотерхауса «Одиссей и сирены» (1891 г.), Арнольда Беклина «Одиссей и Калипсо» (1882 г.) и др. В литературе, конечно, на ум сразу приходит роман Дж. Джойса «Улисс», хрестоматийное стихотворение Альфреда Теннисона «Улисс». Образ Одиссея / Улисса притягивает к себе писателей на протяжении всей истории литературы, от «Божественной комедии» Данте до «Одиссей Телемаку» Иосифа Бродского.

Первое упоминание об Одиссее в русской поэзии, как отмечает Л. Л. Бельская [2006: 14], относится к поэме В. Тредиаковского «Телемакида» (1766 г.), являющейся стихотворным пересказом философского романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699). Золотой век русской поэзии был наполнен греческими мифами, легендами. Во многом обилие подобных образов было связано со свежими переводами гомеровского эпоса, сделанными Н. И. Гнедичем (Илиада) и В. А. Жуковским (Одиссея). Античные мотивы и образы стали одной из главных особенностей творчества А. С. Пушкина. Греческая мифология, как подчеркивает Г. С. Кнабе, играла значительную роль в творчестве Пушкина и была представлена в основном «традиционным набором мифологических имен, который именно в силу своей традиционности и универсальности характеризовал не столько отношение Пушкина к эллинской культуре, сколько условный язык поэзии XVIII – начала XIX в.» [Кнабе 2000: 146].

Фигура Одиссея всегда связана с неоднозначностью и многогранностью. В европейской культуре укоренилось представление об Одиссее как о «вечном страннике, нигде не находящего успокоения» [Редис 1993: 178]. В то же время в работе А. Ф. Лосева «Гомер» Одиссей получает достаточно сложную характеристику: «Это не просто дипломат и практик и уже совсем не просто хитрец, лицемер и пройдоха <…> Одиссей – это по преимуществу страдалец; и, пожалуй, страдалец он даже больше, чем хитрец» [Лосев 2006: 13]. А. Ф. Лосев связывает данное понимание образа героя с частотным эпитетом «многострадальный», а также с одной из этимологических трактовок имени Одиссея «odyssamenos» – ненавидимый, ненавистный (например, богами Посейдоном, Зевсом, Гелиосом). В поэзии Серебряного века образ Одиссея ярче всего проявился в творчестве В. Брюсова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Волошина, зачастую был связан с мотивом путешествия, духом странничества, как, например, у Н. Гумилева: «Гумилевский Одиссей в отличие от гомеровского не возвращается домой насовсем, а зовет Телемака в дорогу, чтобы тот тоже полюбил влекущие дали, служил богу тревоги, увидел неведомые миры» [Бельская 2006: 7]. Одиссея в начале XX в. становится символом странствий, во многом связанном с топологией жизненного пути поэтов Серебряного века: смены мест жительства (вынужденного и добровольного), многочисленных путешествий, научных экспедиций. Путешествие, в широком смысле этого слова, является одним из приемов мысли, «из рефлексии пути складывается геометрия события мысли» [Кребель 2010: 18]. В своем научном труде, посвященном мифопоэтике Серебряного века, И. Кребель эстетику мысли Серебряного века связывает с «провозглашением эстетики понимания, обоснованием того, что понимание невозможно без опыта вживания, вчувствования» – путешествие становится способом обращения к описываемому выше опыту «вживания», топологическая специфика становится одним из ключевых особенностей поэзии данной эпохи.

Поэты Серебряного века трансформируют миф об Одиссее, обживают его: «Мы видим Одиссея у Гумилева – осовремененным и в чем-то похожим на автора: ревнивым, не доверяющим

женщинам, горюющим о недавно умершем отце» [Бельская 2006: 7]. Окружающее и, казалось бы, знакомое пространство наполняется новым смыслом при его мифологическом переосмыслении, как например Крым / Киммерия у М. Волошина:

И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея [Волошин 1984: 95].

Древнегреческие мифы и образы играли важную роль в творчестве Осипа Мандельштама. Исследования Л. Б. Зубовой, Л. Л. Бельской, И. А. Кребель подчеркивают значимость образа Одиссея в творчестве одного из главных поэтов Серебряного века: «Особенно зримо и подробно встает перед нами мир Эллады в поэзии Осипа Мандельштама (“Бессоница. Гомер. Тугие паруса…”, 1915). Тут и корабли, плывущие в Трою, и прекрасная Елена, и ахейские мужи, “на головах царей божественная пена”, “И море, и Гомер – все движется любовью”, и каменистая Таврида с сонными горами и виноградниками» [Бельская 2006: 8]. Более того, имя Мандельштама оказалось связанным с именем Одиссея и в памяти культуры: в песне Александра Галича, в которой О. Мандельштам разделяет трагическую участь Одиссея-изгнанника.

Восприятие мировой культуры через личное, «приватное отношение к мировой культуре» [Кребель 2010: 65] – стратегия, которую перенимает у поэтов Серебряного века Иосиф Бродский. Во многом обращение поэта к эпосу Гомера, к мифу об Одиссее было связано с биографией автора: эмиграцией, в которой были написаны такие стихотворения, как «Одиссей Телемаку» (1972), «Итака» (1993) и др. Как отмечает Л. Л. Бельская, «оказавшись в эмиграции и понимая, что “жизнь нужно начать сначала”, Бродский примеряет к себе третье имя Одиссея, придуманное им в эпизоде с одноглазым великаном Полифемом, – *Никто*: “совершенный никто, человек в плаще, потерявший память, отчизну, сына” (“Лагуна”, 1973)» [Бельская 2006: 9]. Образ Одиссея-страдальца, Одиссея-изгнанника красной нитью проходит сквозь весь «античный текст» И. Бродского. Проводя интертекстуальный анализ стихотворения И. Бродского «Одиссей Телемаку», Л. Б. Зубова обращает внимание на тесную связь его образа Одиссея с образом вечного странника О. Мандельштама: «У Мандельштама Одиссей – один из центральных образов, и, конечно, это существенно для Бродского» [Зубова 2015: 30].

Гомеровский миф об Одиссее является универсальным символом, вечным образом, к которому уже на протяжении двух тысяч лет обращаются поэты разных эпох. Фигура Одиссея вобрала в себя различную семантику, как заложенную в античном каноне, так и привнесенную писателями последующих эпох: это и «хитроумный» Одиссей, это и Одиссей-страдалец, богоненавидимый изгнанник, вынужденный странствовать, это и Одиссей-патриот, человек дома, стремящийся к родной земле. Зачастую с фигурой Одиссея связана ситуация разрыва, катастрофы и попытки сопротивляться переменам. Именно поэтому аллюзии на данный образ наиболее часто возникают в произведениях в кризисные периоды истории, времена социокультурных сдвигов, перемен или в ситуациях личного духовно-нравственного кризиса поэтов и художников. Актуализация мифа об Одиссее в уральской литературе приходится на период 1990-х гг., кризисное во всех смыслах время. Целью данной статьи является исследование трансформации образа Одиссея в современной поэзии уральских авторов.

Геопоэтическая доминанта Урала, чаще всего апеллирующая к хтоническим недрам, «горам, камню, огню, бажовским традициям, образам и мифам» [Абашев 2012: 147], делает разворот к мифу о Рифее, начинает искать себя в героическом древнегреческом эпосе Гомера, ассоциировать себя со странствующим Одиссеем-изгнанником, оставшимся без родины, вынужденным искать дорогу домой в новом, враждебном ему мире.

Методологической базой данного исследования стали научные труды, посвященные древнегреческому эпосу Гомера [Шталь 1983; Клейн 1998; Лосев 2006]. В качестве теоретической базы выступили исследования, в которых предлагается методика комплексного литературоведческого исследования, включающего, наряду с традиционными методами (историко-литературным и историко-сопоставительным), структурно-семиотический и мифопоэтический анализ [Кэмпбелл 1997; Мелетинский 2000; Топоров 1983]. Значимой для данного исследования является работа Г. С. Кнабе «Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России» [2000], в которой раскрываются проблемы взаимодействия греко-римской и русской культур. Проследить влияние античной культуры, древнегреческих мифов на творчество поэтов Серебряного века позволило исследование М. Л. Гаспарова «Античность в русской поэзии начала XX века» [1995]. Исследование Е. В. Мищенко «Диалог культурных традиций в поэтическом мире И. А. Бродского»[1] позволило сделать значимые выводы об «античном тексте» в поэзии Иосифа Бродского. Научная публикация Л. Л. Бельской «Судьба Одиссея в русской поэзии» [2006] позволила взглянуть, как на протяжении почти трех веков развивался и трансформировался гомеровский миф об Одиссее в русской поэзии.

Результаты и дискуссия

Современная поэзия Урала является ярким социокультурным феноменом уже на протяжении нескольких десятилетий и насчитывает более ста авторов из Свердловской области, Пермского края, Челябинской области. Регионализация, начавшаяся в начале 1990-х гг., связанная с распадом СССР, ослаблением литературного моноцентризма, ростом региональных культуртрегерских инициатив, привела к преобразованию культурного простран-

[1] Мищенко Е. В. Диалог культурных традиций в поэтическом мире И. А. Бродского : дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 2010. 221 с.

ства регионов и формированию литературной среды: помимо большого количества литературных студий и сообществ (таких как ОДЕКАЛ, «Лебядкин», «Сибирский тракт», «Подводная лодка» и др.) и местных литературных журналов («Урал», «Уральская новь», «Здесь»), уральская поэзия стала известна далеко за пределами региона благодаря премии «ЛитературРРентгент», фестивалю современной поэзии «InВерсия», издательским инициативам В. О. Кальпиди (четыре тома Антологии современной уральской поэзии, Энциклопедия «Уральская поэтическая школа» и др.).

Урал является не просто регионом, географическим понятием, а важным символом региональной идентичности. О. А. Лавренова сравнивает Урал с мифическим Рифеем в своем исследовании «Новые направления культурной географии» [2001]. Е. К. Созина в статье «Локальные тексты Урала» [2019], говоря об образовании концепта «Урал», идентификации Урала, обращается к «горнозаводскому тексту», насыщенному теллурической образностью, мифологизацией уральских подземных недр. Отображение региональной идентичности и самоидентификация авторов с локусом, местом их жизни – одна из ключевых особенностей современной уральской поэзии. И. Т. Вепрева и А. В. Харитонова в статье «Русские частицы и экспериментальное исследование региональной идентичности» отмечают, что пространственный параметр является ключевым понятием региональной идентичности: «позиционные факторы географического пространства играют большую роль в дальнейшем складывании его системы ценностей» [Вепрева, Харитонова 2025: 12]. Поэтические тексты уральских авторов насыщены образами индустриальных городов, топонимами, образами уникальной уральской природы, локальными мифами. Инфернальные и хтонические мифологемы являются ключевыми составляющими локального мифа Урала. Хтоническое восприятие региона во многом связано со спецификой ландшафта (горы, пещеры), климата, лиминальностью (граница между Европой и Азией). Ярким примером, в котором образ подземного царства Аида сопоставляется с пространством Урала, является стихотворение Бориса Рыжего:

…Над северной Летой
стоят рыбаки…
прощай, мое лето,
друзья и враги.
На черном причале –
как те господа –
я, полон печали,
гляжу в никуда [Антология… 2003: 175].

Древнегреческие мифы и легенды играют значительную роль в современной уральской поэзии, позволяют поэтам с помощью узнаваемых, хрестоматийных образов осмыслить пространство Урала, сакрализировать его, оправдать свое существование в этом *ненавидимом, но единственном*[1] краю. Е. М. Мелетинский отмечает, что «поэтика мифологизирования не только организует повествование, но служит средством метафорического описания ситуации в современном обществе <…> с помощью параллелей из традиционных мифов, которые порождены иной стадией исторического развития. Поэтому при использовании традиционных мифов самый их смысл резко меняется, часто на прямо противоположный» [Мелетинский 2000: 372]. Так, мы можем увидеть яркое противопоставление солнечной мифической Итаки и холодных, заснеженных уральских городов в поэзии современных авторов:

В черно-белом Свердловске заносят снега – в протокол.
На Итаке зима – на Итаке тепло и вино [Антология… 1996: 78].
(Е. Туренко)

Вот и снег понесло над водой, над трубящей погодой,
Может быть, нас с тобою когда-то вот так унесло –
в ледяную судьбу – не на жизнь, не на смерть – на полгода,
Может быть, никогда Одиссей не опустит весло [Антология… 1996: 156].
(А. Фомин)

Лежишь среди снега, твой лоб протирает пещера,
до хруста темнея, с тобой соклонен Полифем,
как соль или, в остров себя развернувшая, сфера.
Вернулся. Не ты. И не вспомнишь, ослепший, зачем [Антология… 1996: 55].
(А. Петрушкин)

Миф об Одиссее трансформируется, приобретает черты современности в стихотворении Дмитрия Долматова «Гениальный тусовщик, вернувшись в родную Итаку…». Стихотворение было написано в 1989 г. – время упадка, краха иллюзий, окончания войны в Афганистане, надвигающегося распада СССР. Образ главного героя во многом персонифицирован, сопоставляется с реальной, «тусовочной биографией» молодого поэта: квартира его родителей в 1980-е стала литературным салоном встреч пермских поэтов, художников, музыкантов. Также немаловажную роль для понимания биографической подоплеки данного поэтического текста играет служба в армии как раз в конце восьмидесятых, которая, по словам близких Д. Долматова, изменила, надломила его:

Гениальный тусовщик, вернувшись в родную Итаку,
что найдешь там? Бардак, и семью не свою, и друзей.
Положи пулемет. Мы тебя отвезем к Телемаку.
Помнишь, как возвратился любимец богов, Одиссей? [Антология… 1996: 31].

[1] «Ненавидим ты и единственен / город Че» – цитата из стихотворения челябинского поэта Яниса Грантса «Розмарин».

Мифологема Одиссея накладывается на советскую / постсоветскую реальность, создавая эффект остранения, фарса, абсурда:

Слышишь, плещет масандра, как виноцветное море –
это варваров песни и ритуал у костра –
так пылает твой флот, разоривший великую Трою,
и сейчас каждый третий тебя здесь продаст гоперам [Антология… 1996: 31].

Прошлые достижения героя не имеют уже никакого значения, ведь у него нет будущего, его никто и ничто не ждет: «Мы не ждали гостей уже около тысячи лет» [Антология… 1996: 31]. Даже то пространство, в которое возвращается герой, маркируется смертью через мифологему Харона – перевозчика душ в царство мертвых. Фигура вечного странника, хитроумного героя, преодолевающего гнев богов, траверсируется, переплетается с карнавальной эстетикой, всегда проявляющейся в кризисных, переломных ситуациях:

<…> или двинул в кабак: толковать с малышней до утра
о сиренах и прочем, о пьяном столетье тусовок <…> [Антология… 1996: 31].

Уральские поэты зачастую сочетают образы героев из «Одиссеи» Гомера с мифологемами вечного возвращения и пути, как, например, это происходит в стихотворении Вячеслава Ракова:

Пермь-Первая, Пермь-та-еще-подруга,
Рождаешься и, как чибон, – по кругу,
По кругу первому, Итаке, ИТК.
Не успевает загореться спичка –
Проскакиваешь лимб на электричке
И начинаешь без черновика <…>

<…> Ты вдруг перешибаешь обух плетью
И это называется Пермь-Третья,
Малиновая, окнами на сад,
Теперь вы с ней ни в чем не виноваты
И Одиссею нет назад возврата,
Когда он возвращается назад [Антология… 2003: 160].

Пермь у В. Ракова представляется как мифическое пространство, лабиринт, «лимб», из которого не вырваться лирическому герою. Несмотря на то, что в Перми есть три вокзала, герой все время вынужден скитаться по этому мрачному, хтоническому пространству. Образ Одиссея, в конце концов сумевшего преодолеть гнев богов и доплыть до родной Итаки, трансформируется в образ вечного странника, изгоя и скитальца, навсегда застрявшего в царстве мертвых: «И Одиссею нет назад возврата, / Когда он возвращается назад». Ю. Ю. Даниленко в статье «Диалог с городом в поэзии молодых пермских авторов» характеризует отношение к городу в поэзии старшего поколения следующим образом: «в поэзии поколения 1970–1980-х гг. сформировался устойчивый негативный, мортальный образ Перми как места, несущего смерть и безысходность, обрекающего человека на вечное пребывание в нем» [Даниленко 2014: 134]. Безысходность пребывания в Перми выражается у Вячеслава Ракова через образ трех вокзалов, которые маркируются как маргинальное и даже инфернальное пространство.

В стихотворении еще одного пермского автора Юрия Куроптева мифологемы пути, вечного возвращения и лабиринта также связываются с образом Одиссея:

Словно, как тот, ты вернулся в родную, ну, скажем,
Итаку.
Что тебя ждет здесь? – разрушены офисы, брошены
танки

прямо на площади, где, преграждая п[р]оход
к лабиринту,
мемориал [тира]жирует копии воинов, точно
зарвавшийся принтер [Антология… 2003: 145].

Первые строфы стихотворения написаны гекзаметром и пентаметром, в духе Гомера. Автор намеренно играет с читателем, делая отсылки к Одиссее Гомера даже на уровне системы стихосложения:

здесь шестистопная поступь строки завершается
точкой [Антология… 2003: 145].

Древнегреческие мифы и образы гомеровского эпоса играют значительную роль в художественной модели одного из самых известных уральских поэтов – Виталия Кальпиди. Герои и сюжеты древнегреческой мифологии трансформируются в поэзии В. Кальпиди. Новая мифопоэтическая реальность (неомиф) конструируется автором из традиционных мифологем. Так, например, в стихотворении «Прогулка» (написано в 1983 г.) из книги стихотворений «Пласты» происходит контаминация сразу нескольких мифов: об аргонавтах (важную роль играет фигура Орфея), Сизифе и Одиссее (Улиссе). Поэтические тексты В. Кальпиди всегда полисемантичны, в них переплетены артефакты, мифологемы, образы из совершенно разных эпох и даже реальностей. В своей книге-эссе «Рай медленного огня» Алексей Парщиков очень точно связывает такую насыщенность совершенно разнообразными, а порой и разрозненными образами с онейрической поэтикой, мотивами сна, бессознательного: «Пространство Кальпиди – ярусное. На этих беспокойных ярусах размещаются его мультипликационные (как он сам определил) герои, катаясь на вертикальных лифтах – им назначена “вертикальная страна” из “Правил поведения во сне”[1]» [Парщиков 2006]. В стихотворении «Прогулка» на одном из ярусов располагаются воспоминания из детства лирического героя, на другом – мифологизация пространства – детская про-

[1] «Правила поведения во сне» – стихотворение В. О. Кальпиди из книги стихов «Мерцание» (1995 г.).

гулка по «Челябе» становится своеобразной одиссеей или аллюзией на странствия аргонавтов:

Двойною слезой занавешен от певчего Улисс:
он вспомнил Итаку. Итак, завершается миф.
На улице лисы поземки в спирали свернулись,
зима отдыхает, как глыбу вкативший Сизиф.

Пусть лимфа воды за три тысячи лет до прогулки
сынули в Челябе хранит мальчуганов с «Арго».
Пусть бурым вином наполняются рыжие кубки –
за круглое небо! – которое выше всего [Кальпиди 2015: 325].

Начиная с конца 1980-х гг. Виталий Кальпиди в своем творчестве активно мифологизирует пространство Перми, а позже и других уральских городов (Екатеринбурга, Челябинска, Еманжелинска и т. д.). А. А. Сидякина в книге «Маргиналы» объясняет подобное стремление В. Кальпиди к созданию локального мифа «целеустремленным вектором “героической” модели поведения» [Сидякина 2004: 34]. Практически в каждой книге В. Кальпиди можно проследить развитие героической модели поведения. Виталий Кальпиди превращает свою биографию в эпическое приключение культурного героя, демиурга. Это путешествие может быть как реальным, так и метафизическим:

И в конечном итоге, упав возле пролитой водки,
ты в единственном сне Полифема (кино для слепых?)
поплывешь Одиссеем (тут пропуск) на весельной лодке, –
очень весело плыть, если сон не закончишь в живых [Кальпиди 2015: 312].

В результате исследования мифопоэтических образов в четырех томах Антологии современной уральской поэзии стало очевидным, что одной из самых частотных мифологем, к которой прибегают современные уральские поэты, является мифологема гомеровского Одиссея:

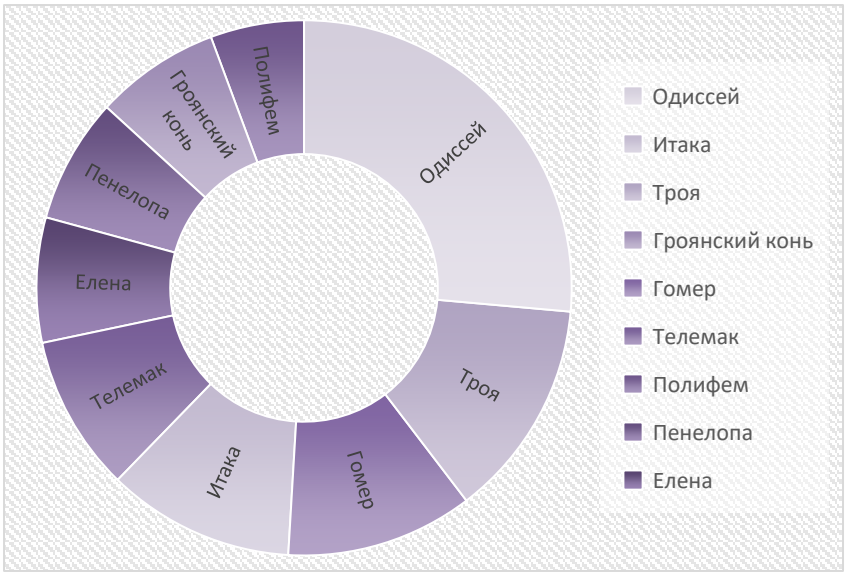

Рис. 1. Ключевые образы и мифологемы, связанные с гомеровским эпосом

Как можно увидеть из таблицы, чаще всего к мифологемам гомеровского эпоса уральские авторы обращаются в первом и втором томах Антологии современной уральской поэзии. Это объяснимо несколькими факторами. Во-первых, многие исследователи отмечают, что в литературе конца XX – начала XXI вв. всплеск обращения к мифу во многом обусловлен апокалиптическими настроениями (рубеж тысячелетий, распад СССР, мировые кризисы). Во-вторых, в уральской поэзии 1980-х (В. Кальпиди, Ю. Казарин, И. Сахновский, В. Лаврентьев, А. Санников, Е. Туренко и др.) такими исследователями, как Ю. С. Подлубнова, В. В. Абашев, отмечаются многочисленные отсылки и аллюзии к эллинистическим текстам О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса…», «Золотистого меда струя». В. В. Абашев, анализируя стихотворение Владимира Лаврентьева «Зима. Компрос. Сырые паруса…», посвященное осмыслению пространства Перми, пишет: «Ироническая отсылка к знаменитой строчке Мандельштама была вполне в духе времени, более или менее остроумные ее вариации можно найти в десятках стихотворений 80-х годов» [Абашев 2000: 387]. Ю. С. Подлубнова также говорит о том, что Мандельштам являлся «ключевой фигурой» [Подлубнова 2017: 25] для поэтов поколения «маргиналов» (т. е. андеграунда 1980-х годов). Осип Мандельштам, повторивший судьбу Одиссея, изгнанный из родного дома, сосланный в Чердынь (в Пермском крае), в чем-то стал для уральских авторов прототипом Одиссея-изгнанника, застрявшего вдали от дома.

В «Январской саге» Е. Туренко, сложном и многослойном поэтическом тексте, на уровне мотивов, образов прослеживается явная связь с поэзией Осипа Мандельштам, в частности со «Стихами о неизвестном солдате». Фигура О. Мандельштама была значима для Е. Туренко. Он сам неоднократно подчеркивал это и в своем творчестве (см. стихотворение «Воспоминание о “Серебряном ве-

ке”»), и в эссеистике, например в рассказе о поездке в Чердынь (Пермский край) на поиски свидетельств пребывания в этом городе Осипа Мандельштама: «Летом того же 91-го поехали в Чердынь искать следы Мандельштама. <…> Никаких документов, связанных с пребыванием Осипа Эмильевича, не нашли, даже в больничном архиве, который, как выяснилось потом, сгорел в 60-х» [Туренко 2012].

Ключевой темой «Январской саги» является тема войны, всеобъемлющей, эпической, вечной, о чем свидетельствует встраивание в поэтический текст слов и образов из совершенно разных исторических эпох и культурных пластов (тропа, бетон, клинки, эскадрон, целина, колхоз, колченогие всадники). Первые строки стихотворения демонстрируют связь времен: «Не верблюжьей тропой бечевой канителится путь, / а бетонкою стелет, литой цепенеет бетон». С точки зрения Е. Туренко, время войны – безымянное время, воздушная яма, пустота, поглощающая людей, их память, имена, «невесомая соль безымянных ветров и времен». В стихотворении Е. Туренко можно увидеть ту же мировую скорбь, то же вневременное видение войны, ее «полуобморочное бытие», космологический характер, что и в стихотворении О. Мандельштама:

Вот полягут поля, и возденет клинки эскадрон,
обратясь никуда, и сухая рассеется кровь,
невесомая соль безымянных ветров и времен.
[Туренко 2011: 193]

Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.
[Мандельштам 2021: 208]

Заглавие «Январская сага» Е. Туренко также может отсылать к «Стихам о неизвестном солдате» О. Мандельштама:

Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном.
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем [Мандельштам 2021: 208].

Образ Одиссея встраивается в этот поэтический текст в качестве символа войны, ветерана, потерявшего себя в кровопролитных боях, блуждающего долгие годы и возвращающегося домой уже седым старцем:

Облик неузнаваем. В свету корродирует блик.
На Итаке зима. На Итаке тепло и вино.
У порога Отчизны святой убеленный старик…
<…> [Туренко 2011: 193].

<…> и к земле припадут на могиле эпических битв,
и потянется улица вслед за январской войной,
и не будет утех в песнопеньях клевет и молитв
<…> [Туренко 2011: 193].

В «Январской саге» Евгения Туренко изображены разрушающийся мир, разрушающаяся страна. Мотив пути и возвращения трансформируется в бессмысленность перемещения по пустому, мертвому, зацементированному пространству.

Интерес к героям эпоса Гомера и античной / древнегреческой / римской мифологии среди уральских авторов также объясним актуальной среди поколения 1990-х поэзией И. Бродского. Античный мир, со всей его мифопоэтикой, как отмечают такие исследователи творчества И. Бродского, как И. Ковалева и Е. Мищенко, был широко представлен в его произведениях: «культурное “поле” Бродского было распахано глубоко, и “греческая соха” оставила на нем заметный след» [Ковалева 2000: 148]. Центральным образом «античного текста» Иосифа Бродского является Одиссей: «Одиссей / Улисс – один из центральных образов в “античном тексте” Бродского, на примере которого, на наш взгляд, можно наиболее полно продемонстрировать систему отношений поэта с античной культурой» [Мищенко 2009: 140]. Обращение И. Бродского к образу Одиссея не только указывает на автобиографическую проекцию судьбы поэта на судьбу Одиссея, но и выражает связь эпох, демонстрирует традиции поэтов-предшественников (преимущественно поэтов Серебряного века, таких как А. Ахматова, О. Мандельштам), оказавших значительное влияние на поэтику Бродского. Так, Л. В. Зубова в статье «Стихотворение Бродского “Одиссей Телемаку”», делая подробный интертекстуальный анализ, пишет следующее: «В поисках спасения от разрушения Бродский обращается к духовному опыту – и собственному, и своих учителей, в первую очередь, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой. <…> Вариация Бродского на тему странствий Одиссея – способ прочесть классику и расширить ее смысл через современное мироощущение» [Зубова 2015: 26]. Своеобразным оммажем является стихотворение Евгения Туренко «Остров. Страсти по Иосифу», в котором присутствует явная отсылка к стихотворению И. Бродского «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря…»:

сказано: мартобря, единственное, что прощай
пишется про себя, и десятичнее дроби [Туренко 2011: 199].

Интертекстуальные связи и переклички с И. Бродским (стихотворениями «Итака» и «Одиссей Телемаку») можно увидеть в поэтических текстах Дмитрия Долматова «Гениальный тусовщик, вернувшись в родную Итаку» и Юрия Куроптева «Фрагменты наставлений начинающему путешественнику».

Таблица. Ключевые образы и мифологемы, связанные с гомеровским эпосом (на материале 4-х томов Антологии современной уральской поэзии)

Автор	*Заглавие / первая строчка поэтического текста*	*Ключевые образы и мифологемы, связанные с гомеровским эпосом*	*Том антологии*
Д. Долматов	«Гениальный тусовщик, вернувшись в родную Итаку»	Одиссей, Телемак, Итака, Пенелопа, Троя	Том 1 (1972–1996 гг.)
В. Кальпиди	Апология ночи	Одиссей, Полифем	
Э. Смирнов	Базар	Одиссей	
В. Тхоржевская	«иду вдоль берега и каменная сыпь…»	Одиссей, Телемак, Троя, Елена	
А. Фомин	«Вот и снег понесло над водой, над трубящей погодой…»	Одиссей	
С. Хвостенко	«Мы живем в эпоху зарождения жизни…»	Троя, Елена	
Д. Бавильский	Повторение пройденного	Клитемнестра	
Е. Туренко	Январская сага	Итака	
	Продолжение памяти. Стансы	Пенелопа	
	Остров. Страсти по Иосифу	Гомер	
А. Подушкин	«Надо же дойти до офигения»	Ифигения, Агамемнон	
В. Раков	«Нас сглотнул, как слюну, европейский восток…»	Одиссей	
В. Дрожащих	Фантазии плоти	Троя, Лаокоон	
Р. Тягунов	«В библиотеке имени меня…»	Гомер, Троянский конь	
Н. Болдырев	«Я попытаюсь что-то написать тебе вдогонку»	Одиссей, Алкиной	Том 2 (1997 – 2003 гг.)
Е. Изварина	«И помысливший волю тростник, и полынь голубая…»	Одиссей	
О. Исаченко	«Откуда, не жданы, не званы»	Одиссей, Телемак	
	Пенелопе	Пенелопа, Телемак	
М. Никулина	Севастополь	Одиссей	
В. Раков	«Пермь-Первая, Пермь-та-еще-подруга…»	Итака, Одиссей	
Ю. Куроптев	Фрагменты наставлений начинающему путешественнику	Итака	
Д. Банников	«А все бессовестная ночь»	Троянский конь	
А. Сальников	«Предметы проросли в предметы…»	Троянский конь	
	«Когда пойдешь последним чемоданом»	Гомер (Гомеровский глоссарий кораблей)	
В. Кальпиди	«И плавала Офелия…»	Полифем	
А. Ильенков	А вот и репка	Гомер	
Н. Ягодинцева	«Гомер был слеп – многоочито небо…»	Гомер	
Н. Стародубцева	«И холодно вокруг и как-то странновато…»	Елена	
А. Сальников	По тебе плачет твой селекционный сперматозоид	Телемак	Том 3 (2004–2011 гг.)
М. Чешева	«вылавливая фонари…»	Пенелопа	
Е. Туренко	Архетип безобразия	Агамемнон	
Е. Оболишкта	Эльмира гуляет во сне	Троя	
А. Вавилов	«Трехмерная память…»	Троя	
В. Кальпиди	«Про сквозняки в трубе внутриутробной»	Менелай, Троя	
А. Миронов	Чайная вечеря	Гомер	Том 4 (2012–2018 гг.)
С. Слепухин	Возвращение в Галич	Одиссей, Итака, Циклоп	
Е. Изварина	Одиссей на рыбалке	Одиссей, Итака	
Е. Касимов	«На жаре – на державной, имперской…»	Троянский конь	

Данные, собранные в результате анализа использования мифологем в четырех томах Антологии современной уральской поэзии, демонстрируют, что в отличие от томов первого и второго в томе третьем и четвертом мало образов, связанных с древнегреческими мифами, эпосом Гомера. Во многом это связано с изменением литературных тенденций, появлением новой поэтической парадигмы. Меняются поэтический регистр, отношение авторов к лирическому субъекту, к формам поэтического высказывания. Так, тенденция «нового эпоса», декларированная Федором Сваровским в журнале «РЕЦ» в 2007 г., предполагает фиксацию не на реальной действительности, а на том, что скрыто от глаз обывателя, на чем-то метафизическом, «находящемся всегда за пределами текста» [Сваровский 2007: 4]. Илья Кукулин, обозначая основные векторы развития лирического субъекта в современной поэзии в своей научной статье «Создать человека, пока ты не человек…», подчеркивает ключевую роль транссубъектности, лирики «третьих лиц», суть которой заключается в «трансляции нарративов разных людей, разными голосами» [Кукулин 2010]. Н. В. Барковская, говоря о современной русской поэзии 2010-х гг., также фиксирует внимание на данной тенденции: «геро-

ями баллад становятся маргиналы, сумасшедшие, алкоголики, “замкадыши” – обитатели пригородов, изображаются они и с сочувствием, и с иронией» [Барковская 2011: 60]. Вектор ухода от героического субъекта в сторону обыденного, повседневного во многом связан с потребностью и возможностью (в том числе благодаря социальным сетям) проговорить болезненные коллективные и индивидуальные травмы. Смешение границ приватного и публичного в социальных сетях дает возможность для более свободного разговора на болезненные и проблемные темы.

Уход от прямого встраивания образа Одиссея в поэтические тексты современных уральских авторов не значит его полное исчезновение. Вечный образ как маркер, притягивающий внимание читателя, расширяющий семантическое пространство текста, продолжает появляться, хоть и с меньшей интенсивностью. В качестве примера обратимся к отрывку из стихотворения Алексея Сальникова:

По тебе плачет твой селекционный сперматозоид,
Папа, когда ты переходишь на фотографию на эмали,
Мы убегали, хотя и знали: не стоит,
Их не догонят, нас уже повязали.

Ты задремал в могилке, милей невесты,
Я – на голову пепел и рву рубаху,
Люблю тебя, но ты противник инцеста,
Все, что осталось мне, – комплексы Телемака [Антология… 2011: 226].

Образ Телемака, сына Одиссея, носит в стихотворении скорее провокационный характер – Телемак представляет собой образ сына, росшего без отца, но сохранившего любовь и уважением к нему. Использование в контексте данного образа слова «комплексы», очевидно, отсылает нас к эдипову комплексу, архетипу и понятию из психоанализа З. Фрейда. Подобное переосмысление образа Телемака, его деконструкция связаны со снижением трагического пафоса стихотворения, которое посвящено смерти отца. Автор намеренно употребляет грубые образы, связанные с телесностью (селекционный сперматазоид), бытом и маскулинностью (майка с трусами, бритье), сексуальными перверсиями (инцест), чтобы передать образ среднестатистического отца советского поколения середины XX в., не умеющего проявлять любовь, запрещающего проявлять любовь по отношению к нему. Подобная исповедальность, проработка травмы, разговор о наболевшем являются яркой особенностью поэзии 2000–2010 гг. Опосредованное обращение к мифу об Одиссее, вечно странствующем отце, позволяет перекодировать разговор о личной травме в разговор об общей травме поколения.

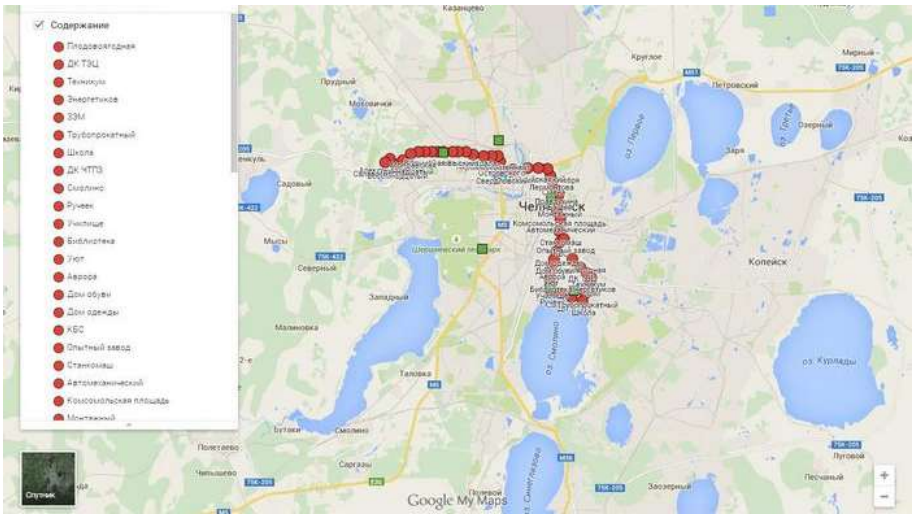

Рис. 2. Литературный проект А. Самойлова «Маршрут 91»

Непрямое обращение к мифу об Одиссее проявляется также в поэзии современных уральских авторов через мифологему пути. Ярким примером может служить литературный проект Александра Самойлова «Маршрут 91», главным героем которого становится персонифицированный лирический субъект, соотносимый с самим автором. В данном поэтическом цикле описывается ежедневный путь героя на работу через весь Челябинск (из Ленинского района в Курчатовский). Бытовое, рутинное перемещение из дома на работу оборачивается целой одиссеей: в первом стихотворении цикла «Плодовоягодная» проезд стоит 18 рублей, а в последнем «Салавата Юлаева» – 21 рубль. Главный герой, проезжая на маршрутном такси по, казалось бы, знакомым улицам, не узнает их (Где пельменная Маяк? / Где кинотеатр «Искра»), словно Одиссей, вернувшийся через десятилетия на родную Итаку, главный герой «Маршрута 91» не узнает окружающее его пространство, оно не совпадает с его воспоминаниями:

Память – это то, что шпатель
мажет, но пока – смотри! –
снова жму на выключатель
и включаю фонари [Самойлов 2017: 18].

Время в данном поэтическом цикле специализируется, становится частью пространства, при-

вязывается к конкретным координатам, памятным местам из детства и юности лирического субъекта. В то же время пространство обретает некоторые временные характеристики, происходит его темпорализация. В исследовании «Пространство и текст» В. Н. Топоров связывал подобные трансформации пространства и времени с мифопоэтическим хронотопом: «Пространство и время можно понимать как свойства вещи. Пространство высвобождает место для сакральных объектов» [Топоров 1983: 253]. Такими сакральными объектами становятся воспоминания героя «Маршрута 91» о местах, в которых он был счастлив, потому что был молод, о местах, связанных с детством и любимыми людьми:

Я сюда бежал ребенком,
просто мчался со всех ног,
чтобы заскочить в «шестерку»,
ехать на Медгородок [Самойлов 2017: 20].

Дорога / путь для лирического субъекта – предназначение, а не обыденность. Во всяком случае, он хочет в это верить, представляя свое долгое тягостное путешествие не как то, на что он тратит впустую свое время, а как возможность придать смысл происходящему вокруг него, осмыслить свою жизнь:

Смотри в окно или послушай речи
твоих попутчиков, а вдруг они поймут,
кто тыщу лет готовил эту встречу,
кто ногтем этот прочертил маршрут [Самойлов 2017: 3].

Мотив пути / дороги является одним из основных во всей мировой литературе, а начало его лежит в античной мифологии. Аргонавты, Одиссей, Эней, Орфей стоят у истоков бесконечных историй о странствиях, испытаниях на пути домой, борьбе с богами и смертью.

Заключение

Длинный путь проделал вечный странник, герой Гомера Одиссей. От ветерана Троянской войны, хитроумного путешественника в поэзии Золотого и Серебряного века, изгнанника, ненавидимого богами в поэзии И. Бродского, до путника, заблудившегося в чужом, заснеженном, хтоническом уральском краю. Фигура Одиссея в современной уральской поэзии, как было показано в исследовании, трансформируется, подстраивается под уральскую действительность, вписывается в контекст современной уральской мифопоэтики, наполненной хтоническими и инфернальными мифологемами.

Актуализация мифа об Одиссее в современной уральской поэзии приходится на конец XX в., 90-е годы, связанные со сломом эпох, изменением уклада жизни. Мы видим изображение потерянного Одиссея, заблудившегося в царстве мертвых в стихотворениях Евгения Туренко и Вячеслава Ракова. Фигура Одиссея травестируется, переплетается с карнавальной эстетикой в текстах Дмитрия Долматова и Юрия Куроптева. Маску Одиссея примеряет на себя известный мифотворец уральской поэтической школы, «великий и ужасный», как называют его коллеги по цеху, Виталий Кальпиди. Вся биография В. Кальпиди сюжетизируется им же самим, превращается в эпическое приключение культурного героя, призванного «дать голос» уральским городам. Одиссей в его творчестве становится символом борьбы (с Богом, несправедливостью мира, пространством) и испытаний.

Обращаясь к данному вечному образу, уральские авторы выстраивают связь не только с античной традицией, но и с Серебряным веком, в частности с поэзией О. Мандельштама, Н. Гумилева, жизнь которых сама по себе стала трагичной одиссеей. Обращение к античной мифопоэтике в поэзии современных уральских авторов в конце столетия, как показало исследование, также связано с влиянием поэзии Иосифа Бродского, одним из центральных образов которой является Одиссей / Улисс. Через многочисленные интертекстуальные связи и переклички уральские авторы ведут диалог с поэтом, сравнивают свое безвыходное положение в разрушающемся мире с положением «поэта-изгнанника», обреченного никогда не вернуться в родные пенаты.

Образ Одиссея становится связующим между целыми поколениями поэтов, между «звериным» двадцатым веком, «лихими девяностыми» и тревожным началом двадцать первого века. Уральские авторы примеряют на себя множество обличий Одиссея: скиталец, лишенный дома, изгнанник, проклятый богами воин (как, например, в «Январской саге» Е. Туренко); аутсайдер, выброшенный на обочину жизни (в стихотворении «Гениальный тусовщик, вернувшись в родную Итаку…» Д. Долматова); застрявший между мирами путник (в стихах В. Ракова). Однако практически всегда образ Одиссея в поэзии уральских авторов связан с потерей (себя, времени, страны, мира) и разрушением. Ни в одном из стихотворений мы не видим солнечной Итаки, счастливого воссоединения с Пенелопой («Одиссею нет назад возврата» – В. Раков).

Начиная с 2000-х мы видим стихание интереса к мифу об Одиссее, что обусловлено нормализацией ситуации в мире и стране (время и пространство больше не мыслится как кризисное), а также сменой поэтического регистра. Новые тенденции, такие как «новый эпос», феномен «новой искренности», заставляют поэтов уходить в рефлексию личного. Лирический субъект в поэзии современных авторов становится более исповедальным, автобиографичным, и прямое использование мифологем из древнегреческого эпоса и античного мифа сокращается, но не исчезает. Хоть и не прямые, но все же явные отсылки к мифу об Одиссее просвечивают через частотное обращение уральских авторов к мифологеме пути, образу дороги – одному из основных символов русского художественного сознания.

Литература

Абашев, В. В. Литература и география: Урал в геопоэтике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. История. – 2012. – № 2 (19). – С. 143–151. – EDN PBRSAX.

Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь, 2000. – 403 с. – EDN QIRNEL.

Антология современной уральской поэзии : в 4 т. Т. 1 / под ред. В. О. Кальпиди. – Челябинск : Фонд ГАЛЕРЕЯ, 1996. – 211 с.

Антология современной уральской поэзии : в 4 т. Т. 2 / под ред. В. О. Кальпиди. – Челябинск : Фонд ГАЛЕРЕЯ при участии журнала «Уральская новь», 2003. – 310 с.

Антология современной уральской поэзии : в 4 т. Т. 3 / под ред. В. О. Кальпиди. – Челябинск : Десять тысяч слов, 2011. – 347 с.

Антология современной уральской поэзии : в 4 т. Т. 4 / под ред. В. О. Кальпиди. – Издательство Марины Волковой, 2018. – 760 с.

Барковская, Н. В. Лирика третьих лиц: о поэзии 2010 года / Н. В. Барковская // Филологический класс. – 2011. – № 26. – С. 59–62. – EDN OOOGAV.

Бельская, Л. Л. Судьба Одиссея в русской поэзии / Л. Л. Бельская // Русская речь. – 2006. – № 5. – С. 3–14. – EDN HVKPBF.

Вепрева, И. Т. Русские частицы и экспериментальное исследование региональной идентичности / И. Т. Вепрева, А. В. Харитонова // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 8–16. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-8-16. – EDN DTDOVH.

Волошин, М. Стихотворения и поэмы в двух томах. Т. 2 / М. Волошин. – Париж : YMCA Press, 1984. – 589 с.

Гаспаров, М. Л. Античность в русской поэзии начала XX века / М. Л. Гаспаров. – Москва : Наука, 1995. – 320 с.

Даниленко, Ю. Ю. Диалог с городом в поэзии молодых пермских авторов / Ю. Ю. Даниленко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 23 (352). – С. 132–138. – EDN TBCRRD.

Зубова, Л. Б. Поэтический язык Иосифа Бродского: Статьи / Л. Б. Зубова. – Санкт-Петербург : Издательство «ЛЕМА», 2015. – 196 с.

Кальпиди, В. О. Избранное = Izbrannoe: стихи / В. О. Кальпиди. – Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2015. – 400 с.

Клейн, Л. С. Анатомия «Илиады» / Л. С. Клейн. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 557 с.

Кнабе, Г. С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России / Г. С. Кнабе. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 240 с.

Ковалева, И. И. «Греки» у Бродского: от Симонида до Кавафиса / И. И. Ковалева // Иосиф Бродский и мир: Метафизика, античность, современность. – Санкт-Петербург : Издательство журнала «Звезда», 2000. – С. 140–158.

Кребель, И. А. Мифопоэтика Серебряного века. Опыт топологической рефлексии : монография / И. А. Кребель. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 592 с. – EDN SURAOP.

Кукулин, И. Создать человека, пока ты не человек… / И. Кукулин // Новый мир – 2010. – №1. – URL: https://nm1925.ru/articles/2010/201001/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek-1472/ (дата обращения: 01.07.2026).

Кэмпбелл, Д. Тысячеликий герой / Д. Кэмпбелл ; пер. с англ. А. П. Хомик. – Москва : АСТ, 1997. – 384 с.

Лавренова, О. А. Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география / О. А. Лавренева // Культурная география. – Москва : Институт Наследия, 2001. – С. 95–126.

Лосев, А. Ф. Гомер / А. Ф. Лосев. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 415 с. – ISBN 5-235-02929-1.

Мандельштам, О. Э. Избранное / О. Э. Мандельштам. – Москва : Эксмо, 2021. – 384 с. – ISBN 978-5-04-118614-2.

Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский ; Российская академия наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. – Москва : Восточная литература, 2000. – 407 с. – EDN VNNIUT.

Мищенко, Е. В. «Античный текст» И. А. Бродского: функции античных образов в поэтической системе Бродского (на примере образа Улисса) / Е. В. Мищенко // Филология и человек. – 2009. – № 2. – EDN KPARGB.

Парщиков, А. Рай медленного огня: книга эссе / А. Парщиков. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.

Подлубнова, Ю. С. Неузнаваемый воздух. Книга о современной уральской поэзии / Ю. С. Подлубнова. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2017. – 139 с.

Редис, Б. Кто есть кто в античном мире: справочник: древнегреческая и древнеримская классика / Б. Редис; пер. с англ. М. Умнова. – Москва : ТЦ МАДПР, 1993. – 320 с.

Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 томах. Т. 2. – Москва : Искусство, 1974. – 647 с.

Самойлов, А. Маршрут 91 / А. Самойлов. – Екатеринбург : Издательские решения, 2017. – 54 с.

Сваровский, Ф. Несколько слов о «новом эпосе» / Ф. Сваровский // РЕЦ. – 2007. – № 44. – С. 3–6.

Сидякина, А. А. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы / А. А. Сидякина. – Челябинск : Изд. дом «Фонд Галерея», 2004. – EDN QRIGTX.

Созина, Е. К. Локальные тексты Урала / Е. К. Созина // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга, Волгоград, 27–28 ноября 2018 года / отв. редактор Н. Е. Тропкина. – Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 2019. – С. 124–130. – EDN TOOOYS.

Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. В. Цивьян. – Москва : Издательство «Наука», 1983. – С. 227–284. – EDN TZOXML.

Туренко, Е. В. Имена и обстоятельства / Е. В. Туренко // Знамя : литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2012. – № 9. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=5028&ysclid=muv1uddot4987278435 (дата обращения: 02.10.2026).

Туренко, Е. В. Предисловие к снегопаду / Е. В. Туренко. – Москва : Русский Гулливер, 2011. – 236 с. – ISBN 978-5-91627-068-6.

Шталь, И. В. Художественный мир гомеровского эпоса / И. В. Шталь. – Москва : МАИК «Наука/Интерпериодика», 1983. – 153 с. – EDN SXCOJF.

References

Abashev, V. V. (2000). Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka = Perm as text: Perm in Russian culture and literature of the 20th century. Perm, 403 p. EDN QIRNEL.

Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2012). Literatura i geografiya: Ural v geopoetike Rossii = Literature and geography: The Urals in the geopoetics of Russia. *Perm University Herald. History*, *2*(19), 143–151. EDN PBRSAX.

Barkovskaya, N. V. (2011). Lirika tret'ikh lits: o poezii 2010 goda = Lyrics of third persons: About the poetry of 2010. *Philological Class*, *26*, 59–62. EDN OOOGAV.

Belskaya, L. L. (2006). Sud'ba Odisseya v russkoy poezii = The fate of Odysseus in Russian poetry. *Russian Speech*, *5*, 3–14. EDN HVKPBF.

Campbell, J. (1997). Tysyachelikiy geroy = The hero with a thousand faces. Moscow: AST Publishing House, 384 p.

Danilenko, Yu. Yu. (2014). Dialog s gorodom v poezii molodykh permskikh avtorov = Dialogue with the city in the poetry of young Perm authors. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, *23*(352), 132–138. EDN TBCRRD.

Gasparov, M. L. (1995). Antichnost' v russkoy poezii nachala XX veka = Antiquity in Russian poetry of the early 20th century. Moscow: Nauka Publishing House, 320 p.

Kalpidi, V. O. (2015). Izbrannoe: stikhi = Selected: Poems. Chelyabinsk: Publishing House of Marina Volkova, 400 p.

Kalpidi, V. O. (Ed.). (1996). Antologiya sovremennoy ural'skoy poezii: v 4 t. T. 1 = Anthology of contemporary Ural poetry, in 4 vols. Vol. 1. Chelyabinsk: GALLERY Foundation, 211 p.

Kalpidi, V. O. (Ed.). (2003). Antologiya sovremennoy ural'skoy poezii: v 4 t. T. 2 = Anthology of contemporary Ural poetry, in 4 vols. Vol. 2. Chelyabinsk: GALLERY Foundation, 2003. – 310 s.

Kalpidi, V. O. (Ed.). (2011). Antologiya sovremennoy ural'skoy poezii: v 4 t. T. 3 = Anthology of contemporary Ural poetry, in 4 vols. Vol. 3. Chelyabinsk: Desyat' tysyach slov Publishing House, 347 p.

Kalpidi, V. O. (Ed.). (2018). Antologiya sovremennoy ural'skoy poezii: v 4 t. T. 4 = Anthology of contemporary Ural poetry, in 4 vols. Vol. 4. Chelyabinsk: Publishing House of Marina Volkova, 760 p.

Klein, L. S. (1998). Anatomiya «Iliady» = The anatomy of the Iliad. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House, 557 p.

Knabe, G. S. (2000). Russkaya antichnost': soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii = Russian antiquity: The content, role, and fate of the ancient heritage in Russian culture. Moscow: Russian State University for the Humanities, 240 s.

Kovaleva, I. I. (2000). «Greki» u Brodskogo: ot Simonida do Kavafisa = "Greeks" in Brodsky: From Simonides to Cavafy. *Joseph Brodsky and the world: Metaphysics, antiquity, modernity*, 140–158. Saint Petersburg: Zvezda Publishing House.

Krebel, I. A. (2010). Mifopoetika Serebryanogo veka. Opyt topologicheskoy refleksii = Mythopoetics of the Silver Age: An experience of topological reflection. Saint Petersburg: Aleteya Publishing House, 592 p. EDN SURAOP.

Kukulin, I. (2010). Sozdat' cheloveka, poka ty ne chelovek… = Create a human being while you are not yet human… *New World*, *1*. Available at July 1, 2026 from https://nm1925.ru/articles/2010/201001/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek-1472/.

Lavrenova, O. A. (2001). Novye napravleniya kul'turnoy geografii: semantika geograficheskogo prostranstva, sakral'naya i esteticheskaya geografiya = New directions in cultural geography: The semantics of geographical space, sacred and aesthetic geography. *Cultural geography*, 95–126. Moscow: Russian Heritage Institute.

Losev, A. F. (2006). Gomer = Homer. Moscow: Molodaya gvardiya Publishing House, 415 p. ISBN 5-235-02929-1.

Mandelshtam, O. E. (2021). Izbrannoe = Selected poems. Moscow: Eksmo Publishing House, 384 p. ISBN 978-5-04-118614-2.

Meletinsky, E. M. (2000). Poetika mifa = The poetics of myth. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publishing House, 407 p. EDN VNNIUT.

Mishchenko, E. V. (2009). «Antichnyy tekst» I. A. Brodskogo: funktsii antichnykh obrazov v poeticheskoy sisteme Brodskogo (na primere obraza Ulissa) = "The ancient text" in I. A. Brodsky: Functions of ancient images in Brodsky's poetic system (the case of Odysseus). *Philology & Human*, *2*, 123–131. EDN KPARGB.

Parshchikov, A. (2006). Ray medlennogo ognya: kniga esse = The ray of slow fire: A book of essays. Moscow: New Literary Review, 328 p.

Podlubnova, Yu. S. (2017). Neuznavaemyy vozdukh. Kniga o sovremennoy ural'skoy poezii = Unrecognizable air: A book on contemporary Ural poetry. Chelyabinsk: Marina Volkova Publishing House, 139 p.

Redis, B. (1993). Kto est' kto v antichnom mire: spravochnik: drevnegrecheskaya i drevnerimskaya klassika = Who is who in the ancient world: Reference book: Ancient Greek and Roman classics. Moscow: TTs MADPR Publishing House, 320 p.

Russkie esteticheskie traktaty pervoy treti XIX veka: v 2 tomakh. T. 2 = Russian aesthetic treatises of the first third of the 19th century, in 2 vols. Vol. 2. (1974). Moscow: Iskusstvo Publishing House, 647 p.

Samoilov, A. (2017). Marshrut 91 = Route 91. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya Publishing House, 54 p.

Shtal, I. V. (1983). Khudozhestvennyy mir gomerovskogo eposa = The artistic world of the Homeric epic. Moscow: Nauka Publishing House, 153 p. EDN SXCOJF.

Sidyakina, A. A. (2004). Marginaly. Ural'skiy andegraund: zhivye litsa pogibshey literatury = Marginals. Ural underground: Living faces of a dead literature. Chelyabinsk: Galereya Publishing House. EDN QRIGTX.

Sozina, E. K. (2019). Lokal'nye teksty Urala = Local texts of the Urals. *East – West: The space of the local text in literature and folklore*, 124–130. Volgograd: Peremena Publishing House. EDN TOOOYS.

Svarovsky, F. (2007). Neskol'ko slov o «novom epose» = A few words about the "new epic". *RETs Magazine*, *44*, 3–6.

Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst = Space and text. *Text: Semantics and structure*, 227–284. Moscow: Nauka Publishing House. EDN TZOXML.

Turenko, E. V. (2011). Predislovie k snegopadu = Preface to the snowfall. Moscow: Russkiy Gulliver Publishing House, 236 p. ISBN 978-5-91627-068-6.

Turenko, E. V. (2012). Imena i obstoyatel'stva = Names and circumstances. *Znamya: Literary-Artistic and Socio-Political Journal*, 9. Available at October 2, 2026 from https://znamlit.ru/publication.php?id=5028&ysclid=muv1uddot4987278435.

Vepreva, I. T., Kharitonova, A. V. (2025). Russkie chastitsy i eksperimental'noe issledovanie regional'noy identichnosti = Russian particles and an experimental study of regional identity. *Philological Class*, *30*(3), 8–16. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-8-16. EDN DTDOVH.

Voloshin, M. (1984). Stikhotvoreniya i poemy v dvukh tomakh. T. 2 = Poems and poems in two vols. Vol. 2. Paris: YMCA Press, 589 p.

Zubova, L. B. (2015). Poeticheskiy yazyk Iosifa Brodskogo: Stat'i = The poetic language of Joseph Brodsky: Articles. Saint Petersburg: LEMA Publishing House, 196 p.

Данные об авторе

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Российская Федерация, г. Челябинск, smyshliaevea@susu.ru

Author's information

Smyshlyaev Evgeny Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (National Research University), Russian Federation, Chelyabinsk

Дата поступления: 07.07.2026; дата публикации: 31.10.2026

Date of receipt: 07.07.2026; date of publication: 31.10.2026